

## **ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К КЛАССИЧЕСКОМУ ЖАНРУ (В. Высоцкий «Притча о правде и лжи»)**

В условиях развития современной литературы существует проблема инновационной трансформации авторами канонов классических жанров [5, 2]. Это происходит не только и не столько потому, что современные условия жизни и творчества диктуют эти изменения, а прежде всего в силу развития и движения внутренних механизмов в самом литературном процессе [7].

«Притча о правде и лжи» исполнялась В. Высоцким как песня под гитару. Однако уже в название автор вводит термин «притча» и тем самым определяет для читателя (слушателя) некоторые жанровые границы, которые устанавливают (еще до прочтения) отношение читателя к данному произведению. Исходя из этого практически беглого взгляда на произведение следует, что необходим детальный анализ «Притчи о правде и лжи» с целью более четкого определения границ жанра данного произведения.

«Притча – эпический жанр, представляющий собой краткий назидательный рассказ в аллегорической, иносказательной форме» [4, 808]. Чаще всего действительность в притче представлена в абстрактном, аллегорическом виде, хронотоп сложноопределяем, а персонажи не имеют четкой связи с конкретными историческими лицами. В притче, в отличие от других жанров (например, басни), есть объяснение аллегории. Таким образом, этот жанр претендует на более глубокое обобщение. Чаще всего притча имеет параболическую композицию, в основе которой лежит движение мысли «как бы по кривой» [4, 808]: сюжет начинается и заканчивается рассуждениями об одном предмете, «а в середине происходит удаление к совсем, казалось бы, другому объекту» [4, 808]. В данном случае парабола используется как прием.

Что же можно наблюдать в произведении «Притча о правде и лжи» В. Высоцкого? Первое, что сближает произведение В. Высоцкого с жанром притчи, – это наличие четкой сюжетной линии, являющейся основополагающей для данного произведения. Поэтому, как и притчу, это произведение можно отнести к эпосу. Второе, «Притча о правде и лжи» – это краткий назидательный рассказ, полностью построенный на аллегориях, что характерно для жанра притчи. Более того, зашифрованный скрытый идейный уровень выражается посредством иронической, местами сатирической интонации. Причем как отрицательные, так и положительные образы имеют ироническую окраску. Вот, например, как характеризуется главная героиня – Правда:

*И лежковерная Правда спокойно уснула,  
Слюни пустила и разулыбалась во сне, —  
Грубая Ложь на себя одеяло стянула,  
В Правду впиалась — и осталась довольна вполне* [2, 352].

В принципе, автор сказал, что Правда наивна и доверчива, но выражение «слюни пустила» вносит в формирование образа ироническую окраску.

Сам термин «притча» (или наиболее древний вариант — «причта») происходит от слова «причт» («причет»). В словаре В. Даля читаем: «Причет или причт — клир, священно- и церковнослужители одного прихода. // Причт — иногда вместо паства, приход» [3, 250]. Как видно из толкования, с одной стороны, это священнослужители одного прихода, с другой — сам приход, а общим объединяющим является слово, связывающее священнослужителя и его приход, учителя и учеников. В этой связи притча есть поучение, что и является основой жанра, ибо и сюжет, и образы, и действия — все создается автором притчи ради того, чтобы в иносказательной скрытой форме выразить поучение. «Притча о правде и лжи» была написана В. Высоцким именно ради поучения, усложненного философским смыслом, символикой. Этим, а также параболическим построением данное произведение напоминает классические притчи. Например, Евангельскую притчу о нанятых в виноградник работников [1, 1037–1028], которая начинается и заканчивается рассуждением о Царствии Небесном, обрамляющим рассказ о расчетах хозяина с работниками, нанятыми в разное время. Однако «Притча о правде и лжи» — современное произведение, не полностью отвечающее всем канонам классической притчи. Если в классической притче сложно определить хронотоп, то в данном произведении В. Высоцкий включает в аллегорический рассказ элементы современности, подчеркивая тем самым связь «Притчи о правде и лжи» с современной действительностью. Обратимся к тексту. Пять первых четверостиший ничем не напоминают нам о современной действительности. Ложь заманивает Правду к себе на ночлег, похищает ее одежды — все эти действия напоминают классическую притчу, а указания на современный хронотоп практически отсутствует:

*Выплела ловко из кос золотистые ленты  
И прихватила одежды, примерив на глаз;  
Деньги взяла, и часы, и еще документы, —  
Сплюнула, грязно ругнулась — и вон подалась.  
Только к утру обнаружила Правда пропажу —  
И подивилась, себя оглядев делово:  
Кто-то уже, раздобыв где-то черную сажу,  
Вымазал чистую Правду, а так — ничего.  
Правда смеялась, когда в нее камни бросали:  
«Ложь это все, и на Лжи одеянье мое... [2, 352].*

Настораживает лишь фраза: «деньги взяла, и часы, и еще документы...», но в принципе она звучит нейтрально в данном контексте. Все изменяется ровно на середине произведения:

*Двое блаженных калек протокол составляли  
И обзывали дурными словами ее [2, 352].*

«Двое блаженных калек» превращаются в милиционеров (ироническое совмещение несовместимого), они составляют протокол, обзывают Правду дурными словами:

*Стервой ругали ее, и похуже чем стервой,  
Мазали глиной, спустили дворового пса...  
«Духу чтоб не было, – на километр сто первый  
Выселить, выслать за двадцать четыре часа!» [2, 353].*

Правду пытаются выслать «на километр сто первый» как женщину легкого поведения – яркая реальия времени СССР. Автор не дает забыть о притче: «мазали глиной, спустили дворового пса», но тут же возвращает нас к современности:

*Тот протокол заключался обидной тирадой  
(Кстати, навесили Правде чужие дела):  
Дескать, какая-то мразь называется Правдой,  
Ну а сама – пропилась, проспалась догола.  
Чистая Правда божилась, клялась и рыдала,  
Долго скиталась, болела, нуждалась в деньгах, –  
Грязная Ложь чистокровную лошадь украла –  
И ускакала на длинных и тонких ногах [2, 353].*

Интересными, на наш взгляд, являются заключительные шесть строк данного произведения. Если классическая Евангельская притча о нанятых в виноградник работников [1, 1037–1028] заканчивается рассуждением о Царствии Небесном, то данное произведение в последних строках возвращает нас на грешную землю:

*Часто, разлив по сто семьдесят граммов на брата,  
Даже не знаешь, куда на ночлег попадешь.  
Могут раздеть – это чистая правда, ребята, –  
Глядь – а штаны твои носит коварная Ложь.  
Глядь – на часы твои смотрит коварная Ложь.  
Глядь – а конем твоим правит коварная Ложь [2, 353].*

«Притча о правде и лжи» имеет характерное для жанра притчи параболическое построение: мотив ночлега, с которого начато произведение, находит свое завершающее раскрытие в конце, вначале Ложь заманивает на ночлег Правду, и наивная Правда попадает на хитрые уловки Лжи; в конце человек (скорее всего молодой человек) оказывается в веселой пьяной компании, выпивает и попадает на ночлег неизвестно куда, а там вполне могут «раздеть»). Прием параболы помогает реализовать заложенное в последних строках философское послание-предостережение автора: попадая в ту или иную компанию, беззаботный человек (может и вполне честный, но бесшабашный) перестает себе принадлежать, потому что «штаны» его «носит коварная Ложь» – неизбежны материальные потери, «на часы» его «смотрит коварная Ложь» – он зависим и подчинен чужой воле, а в конечном счете судьбой (конь – судьба) начинает управлять Ложь. Ради этого и написано все произведение.

Итак, по своему построению, сюжетному ходу, философской наполненности «Притча о правде и лжи» близка к классической притче. Однако налицо и инновационные трансформации: сочетание героев-символов (главные герои – Правда, Ложь) с героями-перевертышами (блаженные калеки), выступающими в двух личинах: то проявляют черты героев классической притчи, то изменяются до неузнаваемости, становясь современниками автора. Появление в произведении современных реалий придает «Притче о правде и лжи» черты фельетона [7]. Все это позволяет нам определить жанр данного произведения как инновационный, авторский жанр, в котором сочетаются, дополняя и оттеняя друг друга, черты разных жанров. Эти инновационные трансформации, на наш взгляд, и позволили автору наиболее полно выразить философский смысл произведения.

### **ЛИТЕРАТУРА**

1. Библия / по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена. М., 1979.
2. *Высоцкий В. С.* Антология сатиры и юмора России XX века: в 50 т. Т. 22. М., 2005.
3. *Даль В. И.* Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. М., 2005.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. М., 2001.
5. *Ткачева П.* Разрушение границ жанра сказки в современной поэзии (В. С. Высоцкий «Лукоморья больше нет...») // Фалькларыстычныя даследванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі: зб. арт. / пад. навук. рэд. Р. М. Кавалёвай, В. В. Прыемка. Мн., 2006. Вып. 3. С. 105–109.
6. *Ткачева П.* Жанровые особенности произведения В. Высоцкого «Песня-сказка про джина» // Фалькларыстычныя даследванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі: зб. арт. / пад. навук. рэд. Р. М. Кавалёвай, В. В. Прыемка. Мн., 2008. Вып. 5. С. 102–105.
7. *Ткачова П.* Да праблемы межаў гумару і сатыры ў сістэме родаў літаратуры // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2007. № 4. С. 92–95.